

...а стала мне жена

Вокруг песни «Я спросил у ясеня» сплошные загадки

Вранья, путаниц и нелепиц вокруг песни «Я спросил у ясеня» наворочено столько, что докопаться до истины почти невозможно. Авторство музыки приписывают Сергею Никитину. Авторство слов — самому Эльдару Рязанову. Исполнение — Андрею Мягкову. А в одном литературном календаре истинный автор текста назван, но приписано ему совершенно другое произведение. Так и сказано: «В фильме «Ирония судьбы» звучит его песня «Вагончик тронется, перрон останется»...

Между тем знаменитый «Вагончик» написал Михаил Львовский, давший когда-то «Собеседнику» последнее интервью в своей жизни. А песню «Я спросил у ясеня» написал Владимир Киришон, и это все, что осталось от него в истории русской литературы. Некоторые на основании этого текста даже записали его в поэты.

Между тем никаким поэтом Киришон, конечно, не был. Весь его поэтический багаж — несколько песенок к пьесам и еще одно рифмованное произведение, которое тоже оказалось бессмертным: во всяком случае, все, кто пишет о тридцатых годах, его упоминают. На шестнадцатом съезде ВКП(б) 28 июня 1930 года прорабатывали философа Алексея Лосева за «Диалектику мифа», основную доклад делал Каганович, он же обозвал книгу черносотенной. Оправдываясь, пропустивший ее цензор-коммунист сказал, что Лосев представляет «оттенок философской мысли», а Киришон, добывая Лосева и цензора, закричал с трибуны: «Нам пора за подобные оттенки ставить к стенке!» Смех, аплодисменты. Правда, биографы Лосева не без ехидства замечают, что к стенке спуска ровно восемь лет и один месяц — 28 июля 1938 года — встал Киришон, а Лосев отделался ссылкой и прожил 94 года.

Владимир Киришон принадлежал к числу самых «партийно озбоченных» литераторов. Над ними открыто издевались даже со-

временники. «С хлебом вопрос абсолютно решен, его выпекает шекспер Киршон», — резвился пародист Александр Архангельский. Немирович-Данченко мучился, ставя этот непропеченный, вязкий «Хлеб» на сцене МХАТа, откуда стремительно вышибали всех более-менее приличных авторов. А все потому, что Киришон был не просто драматургом, «создателем образа нового руководителя, большевика-ленинца», как писали о нем в советских энциклопедиях. Он был одним из руководителей страшного РАППа — Российской ассоциации пролетарских писателей. Он понятия не имел о том, что Сталин планирует реставрировать империю, а пролетарской литературы терпеть не может. На встрече Сталина с писателями, имевшей место быть у Горького, Киришон подобострастно подкаптался к Сталину: «Иосиф Виссарионович! Я слышал, вы вчера были на моей пьесе «Хлеб» во МХАТе. Мне очень важно узнать ваше мнение!» «Вчера? — переспросил вождь. — Не помню! В тринадцать лет посмотрел «Коварство и любовь» Шиллера — помню. А ваш «Хлеб» не помню. Нэт такой пьесы!» Киришон был в шоке. Но предположить, что РАПП разгромят, а его с Авербахом объявят троцкистами, он не мог и тогда. Ведь так прорабатывал, столько вытеснил из литературы, на столько откровенно донес! Заметим, кстати, что, когда Киришона начали травить, Булгаков его... пожалел. Его звали на собрание драматургов, где «будут валить Киришона». Не пошел. Елена Сергеевна Булгакова в дневнике писала о том, что все-таки есть Бог, есть Немезида, — а муж ее сочувствовал своему главному врагу, ибо понимал, что истребление истребителей не есть проявление гуманизма... Что самое поразительное — Киришон незадолго до ареста написал Сталину умоляющее письмо: «Я

был слепцом... Товарищ Сталин, родной, помогите мне прозреть», — пожалуй, из всего написанного им это самое трагедийное произведение. Письма его к Сталину опубликованы в 2000 году. И Сталин его принял и даже успокоил... а через три месяца взял, как о том красноречиво поведал недавно прораб перестройки Александр Яковлев.

Злорадствовать не хочется. Киришон был, конечно, очень плохим драматургом и явным доносчиком и не брезговал никакими средствами в борьбе с литературными врагами. Но какие-никакие идеи у него были, и был, как увидим, даже талант. Пусть сказался он в единственной песенке, оставшейся от самой проходной его пьесы «День рождения». Эту молодежную комедию он сочинил в тридцать пять для вахтанговцев, и музыку к ней писал двадцатитрехлетний Тихон Хренников, будущий первый секретарь Союза композиторов СССР. Это была его вторая работа с вахтанговцами — после булгаковского «Дон Кихота». Так что первая песня на стихи «Я спросил у ясеня, где моя любимая» была сочинена в тридцать шестом, и был это дуэт молодых артистов Щукина и Кольцова. Щукин впоследствии прославился как лучший советский Ленин в фильмах Ромма, но театральная Москва знала его как прекрасного комического артиста.

— Ноты этой песенки у меня не сохранились, — рассказал Хренников. — Может, где-то в ар-

Эльдар Рязанов давно собирался вставить в какую-нибудь картину эту песню, но по настроению подошла она только к «Иронии судьбы»

хиве Вахтанговского театра они есть? У меня было повеселей, чем у Таривердиева. Там это была ироническая песня...

В тридцать седьмом все пьесы Киришона были сняты с репертуара, а имя его вычеркнуто из истории литературы. Использовали его теперь только как доносчика — интересовались настроениями Ягоды. Киришон сообщал, что бывший нарком часто плачет. А 28 июля 1938 года Киришон был расстрелян, о чем нигде не сообщалось гласно. Отсюда и возникали злорадные легенды: писатель Алдан-Семенов, вернувшись из лагерей, в коридорах «Литературной газеты» рассказывал, что будто бы видел недавно еще всемогущего Кир-

шона роющимся в лагерной помылке в поисках обедков...

В 1956-м Киришона реабилитировали, через год вышел однотомник его пьес. Пьесы стали ставиться. Они были чудовищны, что в пятьдесят седьмом признавалось уже многими, — но песенку про ясеня запомнил молодой режиссер Эльдар Рязанов, у которого вообще уникальная память на стихи. Он давно собирался вставить в какую-нибудь картину эту песню про несчастную любовь и двойную измену, но по настроению подошла она только к «Иронии судьбы». Музыку стремительно написал Микаэл Таривердиев, спел Сергей Никитин — и песня пошла в народ наряду с другими редкими, мало кому, кроме интеллигенции, известными стихами — цветаевским «У зеркала», чечетковской «Балладой о прокуренном вагоне» и ахмадулинским «По улице моей который год».

С тех пор число пародий на «Я спросил у ясеня» перевалило за сотню. Автор этих строк на факультете с наслаждением орал посвящение нашему декану Засурскому: «Я спросил у Ясена, где моя стипендия». Солдаты израильской армии с тем же удовольствием поют песню Юрия Липмановича «Я спросил у Ясира», а сотрудники «Собеседника» — «Я спросил у Ясина», который ведет у нас экономическую колонку. Все эти категории населения знают и самую старую пародию — «Я спросил у ясеня, где моя любимая. Ясеня не ответил мне, голову склонил. Я спросил у тополя, где моя любимая... Ты б еще у тумбочки, идиот, спросил!»

Впрочем, песня Киришона оказалась пророческой. Все-таки он родину любил, а ее украли. И революцию любил и тоже не удержал. Была романтика, а стала сталинская пирамида. Была тебе любимая, а стала мне жена.

■ Андрей Гамалов.

Собеседник - 2004 - 14 стр. - с. 25